

Никита Самсоник

Anno Domini 4000

16+

Никита Михайлович Самсоник

Anno Domini 4000

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64153901

SelfPub; 2021

Аннотация

Столетиями человечество росло и множилось, поглощая всё больше и больше пространства для своих нужд. Ныне, в 4000 году от Рождества Христова, оно вынуждено сталкиваться с большими дилеммами... Недавно рука Императора коснулась вновь открытой древней колонии, Карфагена. Колония стоит у пропасти: либо Карфаген станет частью империи, либо вольность сгубит его.

Содержание

I. Aeterna urbs	4
II. Casus belli	17
III. Homo homini lupus est	35

Никита Самсоник

Anno Domini 4000

I. Aeterna urbs

«Император Андроник даже в бытие обычным офицером Объединённого Земного Флота был ярким и харизматичным кадром. Не потерял он этого и после прихода к власти: его речи были наполнены горечью, но в то же время величайшей лаской и мечтой, ибо он уже тогда поставил твёрдую цель: Pax Hominis¹»

– Ю Янг, адмирал Имперского Флота, XI год Империи.

То была заря тридцатого года Терранской империи.

На чёрные громады императорского дворца снисходил мрак. Холодное солнце в последний раз одаривало своими лучами благодатную Терру², медленно исчезая за кровавым горизонтом – линией бесконечных городских застроек. Вместо светила зажглось безмерное множество огней имперской столицы, искусно озаривших ночную тьму.

Ни на мгновение даже в ночную пору не прекращался бесконечный транспортный поток. Гул, шум и суматоха, каза-

¹ (лат.) *Pax Hominis* – Мир Человека.

² (лат.) *Terra* – Земля.

лось, будут вечными спутниками Терры, что даже в эпоху нового Рассеяния войдут с ней смело и бесстрашно. Павел и не знал Терру иной: сейчас он видел лишь планету-город, застроенную вдоль и поперёк внушительными башнями, что точно наперегонки неслись ввысь, далеко за облака и, возможно, даже атмосферу. Но каждый мальчишка знал, что когда-то давно, на заре человеческой цивилизации, Терра была далеко не сплошным городом: бескрайние океаны омывали золотые берега Африки и Америки, лёд и снег заносили ошеломительные просторы северной Евразии, тёплый ветер носил пыль по азиатским степям. Но в современной Терре ничего не осталось от этого: климат всегда настраивается имперской администрацией, подобно любому рабочему инструменту, а от безмерных и загадочных континентов, по которым блуждали людские народы, остались лишь древние названия, над природой которых гадают этимологи, и старинные карты, которые уже не с чем сопоставить.

Павел нервничал. Он то и дело елозил в безумно мягком кресле, косился на внушительные старинные часы, да на свой наручный коммуникатор, что представлял время по имперской системе. Он едва сдерживался, чтобы, как и прежде, не начать грызть ногти, но соблазн был слишком велик. Его нервы в последнее время сдавали: недавняя потеря эмиссара Керберга и назначение на его пост вызвали многочисленные вопросы со стороны имперской элиты. Никто не желал видеть «тридцатилетнего сопляка» у руля одной из делегаций,

но спорить с загадочной волей Внутреннего Круга никто не смел.

Эмиссар Космидис только недавно нашёл первые седые волосы в своих чёрных кудрях. Он не был богатым терра-нином, чтобы обеспечить себе самые разные генетические модификации. Говорят, на подобном мистическом поприще зарабатывают огромные деньги, а сам Император, которому должно быть за сотню, благодаря этим загадочным генетикам даже не постарел ни на мгновение.

Но вовсе не это пробирало эмиссара до дрожи. Ведь это не просто деловая встреча с каким-нибудь претором по поводу дел его дальнего Сегмента³, это была воистину знаковая и яркая встреча, на которое Павел попал, вероятно, только благодаря своей загадочной удаче.

Сам император желал видеть посла Имперской Миссии⁴. Император! Правитель, владевший безмерным множеством титулов и прозвищ, был самым могущественным человеком во всём Млечном Пути. Его власть казалась совершенно безграничной, даже божественно всемогущей: для него не было дела, которое он не смог бы закончить. Тридцать лет назад, едва заняв Хризантемовый престол в глубинах бывшей Европы, за считанные годы он превратил разрушенную по-

³ Сегмент – крупная административно-территориальная единица Терранской империи.

⁴ Имперская Миссия – организация, ответственная за процесс вхождения потерянных и заблудших колоний людей в состав Империи.

слевоенную Землю в Терру, жемчужину своей империи, светоч человеческой культуры и науки, центр торговли, в который ведут все гиперпространственные пути, и, наконец, величавую колыбель человечества, что одним своим видом ярко пылает, озаряя мрак враждебного людям космоса.

Наконец, в дверях возник тонкий, точно щепка, человек, закутанный с ног до головы в чёрное. Толстая куфия окутывала его голову и чуть прикрывало лицо, но был прекрасно виден его выпирающий смуглый лоб, на котором золотом был выбит круг – символ Имперского Внутреннего круга. Его движения были плавны и величественны, точно наделены нечеловеческой, потусторонней грацией.

Павел замер в оцепенении. Перед ним предстал человек, который мог быть как ничтожным, мелким бюрократом и мистиком, исполнявшим волю центра, так и ближайшим советником самого императора, вторым лицом Империи.

Они низко поклонились друг другу.

– Эмиссар Имперской Миссии, не так ли? – заговорил первым человек в чёрном, – Я Нави Маккаба, советник Императора по делам внешней политики. Проследуйте за мной, Император готов принять Вас.

Они прошли небольшие ворота из слоновой кости, вошли во внушительный зал, что, возможно, представлял всё величие людской империи разом. Он пылал золотом и серебром, расплывался в лучах уходящего багрового солнца. По мраморным стенам неслись сюжеты греческих мифов и вет-

хозаветных книг: справа от Павла гневающийся Ахилл, чьи глаза залились кровью, терзал тело поверженного Гектора, слева же старый пророк Моисей снисходил до иудеев, гневался, бил скрижали Завета и бросал золотого тельца прочь. Чуть поодаль от Маккабы и Павла возвышались две огромные статуи, изображавшие Геракла и Атланта. Эти исполины точно отходили от мифологических канонов, ибо вместе крепко держали своды императорского дворца. Они неспешно прошли через реку, давно подчинённую людской воле, но не лишившуюся природной своей красоты – она пылала янтарём и кровавыми оттенками, пока багровое, кровожадное солнце Терры низвергало в её пучины тусклые лучи.

Павел, до глубины души поражённый невероятной красотой убранства, величием этих сводов, едва ли мог дышать. Его сердце бешено колотилось, было готово выпрыгнуть наружу, а его ранее размеренное дыхание сбилось. Казалось, эмиссар вот-вот задохнётся. Он плёлся за Маккабой почти что ничтожными шагами, надеясь охватить своим жадным взором как можно больше прекрасных изваяний.

– Император возвёл этот дворец на месте Рима, Константинополя и Москвы, – пояснил советник, заметив неподдельное удивление Павла, – Соединил три Рима в один единый бастион. Уже видно, что он мечтал сделать этот дворец светочем всего в Империи.

Маккаба печально вздохнул, спрятав руки в пышных рукавах.

– Но многим нет дела до планов Императора. Из светоча культуры он превратился в центр бюрократии. Его заполонили мелочные и ничтожные люди, которым нет дела до судьбы человечества, – Маккаба остановился, взглянув на Павла исподлобья, – А с какими чувствами явились сюда Вы, эмиссар?

Павел несколько опешил от подобного вопроса. Он ещё не отошёл от возбуждения, в его глазах рябил янтарь и белый мрамор, голову его заняли эти масштабные каменные сюжеты, нёсшиеся вплоть до едва заметных, маленьких ворот, что с каждым шагом становились крупнее и массивнее. От волнения к горлу подступил неприятный стальной привкус.

– Служу Императору и Отечеству, – объявил он, прикрыв глаза.

– Это похвально, эмиссар, но речь о Ваших чувствах. Вы когда-нибудь бывали здесь? – нави плавно обвёл зал ладонью.

– Нет, господин нави, я здесь... Никогда не был, – Павел выдержал недолгую паузу, – Доводилось лишь видеть речи Императора с тех ступень. Но я... – он замолк, пытаясь подобрать правильные слова, – Обезоружен, господин нави. Я никогда в жизни не видел подобной красоты.

– И только Император стоит между этой красотой, нашей красотой, и чужаками, – помрачнел нави, – Тьма сгущается, эмиссар. Отношения с государствами иных холоднее. Верфям от Императора поступает масса заказов. Война не за го-

рами, и закончится она либо нашей победой, либо заревом, что окутает всю Терру. И станется с нашим видом после этого невесть что.

– Я бы не был столь пессимистичен, господин нави, – возразил посол, – Со всеми можно договориться, иначе для чего существует слово? Мурбасы, как я заметил после посещения Лоракха, относятся к нам лояльно. Гонящимся за честью карахши... Им достаточно представить самого Императора, чья военная доблесть не знает границ!

Они приходили мимо исполинской статуи Императора. Солнцеликий самодержец возвышался на крепком скакуне и вонзал копьё в скалящегося змея, в чьей пасти была разорванное полотно с внушительной надписью: «*Concilium Stellarum*⁵». Этот золотой титан обращал гневный взор на рептилию, что была готова сомкнуть пасть у ног его коня.

Павел на мгновение заметил, что примерно тот же сюжет фигурирует на печатях императорских департаментов.

– Вы очень оптимистичны, эмиссар, – с усмешкой отметил Маккаба, – Однако, всё не совсем так. Некоторые не одобряют наш режим, другие хотят просто полакомиться нашими детьми, третьим нужна только бесплатная рабочая сила. У Терры только два союзника – армия и флот.

Маккаба выдержал недолгую паузу, низко поклонился.

– Я вынужден Вас оставить, дела Империи не ждут. Встаньте на этот транспортёр и спокойно долетите до Цар-

⁵ (лат.) *Concilium Stellarum* – Совет Звёзд.

ских врат. Император ждёт Вас. Удачи.

Павел недолго провожал советника взглядом. Он не имел права заставлять Императора ждать, поэтому устремился к золотым вратам тронного зала, встав на миниатюрную полупрозрачную платформу, что со специфическим стальным визгом устремилась вглубь коридора.

Царские врата. На них была высечена, казалось, вся человеческая история: в сравнении с фигурами Павел был подобен блохе, что неслась по огромным мраморным коридорам. Где-то бежавшие троянцы съедали лепёшки – свои столы, ликовали спасённые гусями римляне, рысью нёсся в персидский строй Александр Македонский, пылал Пекин, у врат которого пировал Чингисхан, наблюдал за Ватерлоо Наполеон, да срывался с земной тверди первый корабль, что рассекал пространство и время. В центре этого эпохального круговорота возвышался сам Император, что крепко держал в своих руках тысячи созвездий. В один момент эти чудовищные ворота задрожали. Пронзительный скрип механизмов эхом раздался по бесконечным коридорам дворца.

Павел, испугавшись, невольно отступил назад, боясь, что врата попросту снесут его в сторону. Вместе с расхождением ворот в коридор вырвался холодный воздух, подгоняемый ласковым ветром, что громогласно завывал под стать горным массивам древней Терры.

Перед эмиссаром предстал не менее огромный и просторный зал, поддерживаемый громоздкими колоннами. Щед-

рые архитекторы не поскупились даже на них восславить героев древности: Павел отчётливо видел на одной из колонн Одиссея, что выкалывал Полифему глаз, с другой – Гильгамеша, что пытался добиться руки богини Иштар. Вдали возвышался императорский трон, устланный дорогими мехами и мягкими подушками. За ним виднелись огромные мозаики, сквозь которые в зал кроткой россыпью прорывался кровавый свет похолодевшего солнца. На этих мозаиках были изображены события недавнего прошлого: горела Терра под ударами восставших колоний, сталкивались в братоубийственной резне мятежные безумцы и верные Терре люди, в некоем божественном свете объявлял о начале империи Император, над фигурой которого возвышалась надпись: «Рах Номинис».

Но Императора на троне не было.

Павел дрогнул всем своим естеством, когда гигантские ворота захлопнулись за его спиной. Тронный зал погрузился в приятный глазу полумрак. Эмиссар, поборов засевший в сердце страх, нерешительно поплёлся к пустующему трону.

Лишь приглушённый грохот сопровождал каждый шаг посла. Невдалеке от Хризантемового трона раскинулись бегущие откуда-то сверху янтарные воды, что продолжали, подобно подчинённым и кротким рекам, нестись через весь зал и исчезать где-то за золотыми решётками.

Было холодно, поэтому эмиссар замотал на своей тонкой шее шарф и спрятал руки в просторные рукава мантии, но

едва ли это спасало его от мороза высших ярусов Терры.

– Рад видеть Вас в здравии, эмиссар, – раздался мощный и властный голос, но в то же время наполненный безмерной лаской, – Полагаю, Вы ознакомились с моим посланием в полной мере.

Павел опустился на колени, когда из тени вынырнул осанистый человек, закутанный в белый атлас. Он был тощим, тонким, казалось, совершенно бессильным, но его загадочная суть источала дарованное природой могущество. Белая туника самодержца была украшена золотым шитьём, растительными орнаментами и многочисленными звёздами, созвездиями и поясами. В этом причудливом танце красок соседствовали королевские лилии с отчётливо видимым поясом Ориона и прочими скоплениями, янтарные лианы вились от его высокого воротника к босым ногам.

Его по-меровингски длинные волосы были темны, подобно золе, густой паутиной неслись к поясу. Ранее казалось, что даже всемогущее время не было властно над ним, но стоило Павлу прищуриться, и в тёмных волосах Императора стали заметны седые волоски, что пучками вырывались из его кудрей.

Его округлое лицо же скрывала солнцеликая золотая маска. Павел, как и вся Империя, никогда не видел лица Императора, а любые изображения, где он предстаёт до своего правления, обычно замазываются.... И лишь холодный взгляд карих глаз, странно отливающих кровавыми оттенка-

ми, выбивался из янтаря и золота, устремлялся прямо в душу, заставлял съёжиться.

Он воссел на престоле, опустив руки на подлокотники.

– Как прошёл перелёт с Гипериона? Надеюсь, без происшествий? – чуть ли не промурчал самодержец.

– Да, Ваше Величество, – растерялся эмиссар.

Император довольно усмехнулся под нос, плавно взмахнув рукой. Павел покорно поднялся на ноги, не отрывая взгляда от величавого правителя.

– Приятно слышать, что пираты больше не докучают ни торговым путям, ни Миссии, – Император выдержал загадочную паузу, – У меня есть к Вам важное дело, эмиссар Космидис, и оно не требует отлагательств.

– Я весь во внимание, Ваше Величество, – взволнованно, глотая буквы, ответил Павел.

– Недавно наши зонды обнаружили потерянную после Рассеяния колонию. Мы отметили её на картах как S-56, реликтовый мир... На этой планете был пригодный для людей климат без техногенных изменений, – Император хмыкнул, подперев щеку рукой, – Мы ещё не выходили на связь с колонией, но, судя по снимкам, это один из наиболее ранних проектов – колония достаточно урбанизирована и наверняка обладает мощным промышленным комплексом.

– Это будет отличным пополнением для Единения, – протянул эмиссар.

– Да, – согласился Император, – И я бы хотел, чтобы Вы,

эmissар Космидис, руководили миссией. Вы навели порядок на Картахене и Новой Варшаве, обладаете нужным опытом.... Кроме того, большинство кадров заняты попыткой урегулировать отношения с государствами Рукава Стрельца. Я полагаюсь на Вас и надеюсь, что из этого выйдет что-то хорошее.

– Я Вас не подведу, Ваше Величество, – Павел низко поклонился.

– Однако, – голос Императора в одночасье похолодел, лишился прежней ласки и мягкости.

Павел нервно сглотнул, пытаясь заглушить возникший во рту стальной привкус. Холод, который вырвался из величавого Императора, будто исходил из самой тёмной и страшной в галактике чёрной дыры, давил и рвал своими когтями глотку.

– Если S-56 не согласится мирно урегулировать дела, – продолжил самодержец, – Мы насильно включим мир в состав Империи. А это предполагает вторжение, формирование военной администрации и.... К несчастью, большие убытки среди наших людских ресурсов и местного населения. В Ваших же интересах, эmissар, направить этот мир на правильный путь. Вы хорошо меня поняли?

Эmissар нервно закивал. Сердце невольно сжалось, он почти перестал дышать, и лишь с украдкой он смотрел на возвышающуюся фигуру. Павел старался скрыть засевшее в душе притупленное покорностью негодование.

– Поймите меня правильно: люди умирают каждый день. От старости, от чужих рук истекают кровью, от аномалий, случайностей... Гибель нескольких миллионов вселенная не заметит. Я пойду на этот шаг только для сохранения империи, – Император поднялся с престола, внушительной тенью нависнув над Павлом, – Поскольку вопрос стоит уже в выживании нашего рода. Мы либо закрепимся на S-56, либо проиграем в этой гонке и поставим под вопрос всё, что делает нас людьми.

– Я понимаю, – с горечью согласился эмиссар.

– Хорошо, – вздохнул Император, – Удачи, господин эмиссар.

II. Casus belli

«Этот день мы будем праздновать как день порядка и закона, день нового золотого века для человеческой ойкумены... Тысячелетие гниющей в богатствах и гедонизме колониальной демократии подошло к концу. Раздоры между колониями и Великой Террой должны быть преданы анафеме, ибо мы вступаем в новую эру для всего человечества: эру человека, что будет способен крошить и оживлять миры по своему разумению, нести свет во мрак вселенной, менять её, делать природу прекраснее и величественнее. Заря Pax Nominis подступает к нам.... В этот день, сограждане, во имя безопасности тысяч человеческих миров и пресечения любых конфликтов между людьми, мы распускаем Совет Звёзд и объявляем о возникновении единого и неделимого государства, что простоят тысячи лет, – Терранской империи!»

– Император Андроник, 1 год Империи.

Уже как несколько недель огни Терры погасли за спиной Павла. Его небольшой посольский корабль быстро рассекал гиперпространство, приближаясь к заветной цели – S-56, помещённой удивительно далеко от человеческого «пузыря», ближе к Рукаву Лебеда.

Эмиссар, обзревая карту галактики, прекрасно понимал,

что эта небольшая колония находится в большой опасности, да и вариантов развития ситуации лишь два – либо имперский солдат воздвигнет знамя Терры, либо чужаки будут пировать на руинах вчерашней колонии. А ведь костяная рука инородцев очень близка к этому беззащитному миру: имперская разведка замечала в этих нейтральных участках космоса флотилии карахаша. На фоне этого межгалактического кризиса Павел прекрасно понимал страх Императора – эта колония может стать крепким подспорьем в покорении региона, а для врагов – чудесной стратегической точкой, из которой можно нанести мощный удар прямо по внешним колониям империи.

Павел кинул несколько кубиков сахара в чашку чая, ненадолго заострил своё внимание на иллюминаторе, вне которого бесконечные океаны звёзд искажались гиперпространством. Он безумно волновался, ведь с минуту на минуту путь будет закончен и перед ничтожно маленьким челноком Имперского флота предстанет потерянная «младшая сестра» Терры. Его седеющую голову посещали различные мысли: что если народ не примет великодушный дар Императора? Если взбунтуется, накинется и растерзает? Подобный риск бывал и ранее, но колонисты, лишённые центральной власти, принимали Императора с тёплыми объятиями.

– Господин эмиссар, – отвлѣк Павла от размышлений твёрдый женский голос, – Мы выходим из гиперпространства. Капитан Кирхе ждѣт Вас в рубке. Он бы хотел отпра-

вить сообщение.

Взгляд эмиссара едва коснулся молодого офицера – рыжеволосая девушка, лейтенант Коулсон, выжидающе стояла в дверях, бегло оглядывая кабинет посла. Павел мягко улыбнулся ей и кивнул, оставив бокал на столике.

Недолго блуждая по светлым коридорам челнока, он вошёл в затемнённое помещение, где источником света служили только яркие голографические экраны. То была небольшая связная рубка, каморка, где ютились несколько связистов и сам капитан Кирхе.

Капитан, точно выбиваясь из опрятного и молодого офицерского состава, представлял из себя типичного фанатичного вояку – в синем мундире, с обезображенным старыми шрамами лицом, да со страшной улыбкой, подходящей скорее на звериный оскал. Он отдал честь эмиссару в шуточной форме, похлопал связиста по плечу и облокотился на панель управления.

– Ну, Ваше дело – говорить, – пояснил Кирхе после неловкого молчания, воцарившегося в рубке, – Мы настроили связь на их чистоту.

– Чудно, – улыбнулся эмиссар, – Я могу начинать?

Связисты лишь кивнули.

– Братья и сёстры, говорит эмиссар Имперской Миссии Павел Комидис, – на выдохе отчеканил посол, – Я представляю волю терранского императора Андроника, что властву-

ет над колыбелью человечества. Я прибыл с миром и великодушным предложением для правительства вашего мира. Прошу принять меня, выслушать и обдумать то, что желает явить Император. Мир с вами.

К удивлению Космидиса, очень скоро был получен ответ, максимально простой и краткий: «Ожидаем. Высаживайтесь по координатам: пятьдесят пять градусов северной широты, тридцать семь градусов восточной долготы».

Воодушевлённый эмиссар выскочил из рубки. Он уже был готов запутаться в этих бесконечных белых коридорах, но точно по мановению сердца нашёл путь к мостику. Его руки дрожали от невообразимого возбуждения, а улыбка с каждым шагом становилась всё шире и шире. Наспех преодолев затёмнённую лестницу, Павел выбежал на капитанский мостик, чтобы рассмотреть планету ближе. Но перед ним предстали корабли местного флота: корветы, фрегаты, даже исполины-линкоры нависли над ними. Но его беглый взор заострился на шарике, который эти громады сторожили...

Этот маленький мир, точно помещавшийся в ладонях Павла, очень сильно напоминал древнюю Терру. Песчаные берега величавых континентов ещё омывали воды, в зелёных морях ещё ютилась живность. Одно лишь сильно выбивало из колеи: S-56 была окружена исполинским кольцом. Очень скоро Павел понял, вспомнил всю полученную имперскими зондами информацию. Это были доки, с которых каждый день сходили корабли не только гражданского класса.

Посольский корабль молниеносно спикировал к орбите планеты, минуя стальное кольцо, со стапелей которого уже сходил внушительный крейсер. Этот стальной исполин замер, накрывая тенью челнок делегации.

– Император не говорил о том, что планета производит свой военный флот, – озадаченно промямлил эмиссар, – Это... Сильно меняет дело.

– А что они сделают? – хрипло усмехнулся капитан Кирхе, – Наш флот уже давно в боевой готовности.

– Я полагаю, Вы рассчитываете на вторжение, – фыркнул Павел, массируя виски, – Хотите повторения Гиперионской катастрофы? Резни?

– Моя работа, – отрезал его Кирхе, – Не песенки о мире петь, Космидис. Я воюю. И запах плазмы и ощущение крови на руках всяко приятнее, чем провести очередной день в дрянном спокойствии.

Павел всем своим естеством испытывал отторжение, даже видя в иллюминаторе лишь мутное отражение явившегося капитана. Он часто встречал таких людей, часто видел, что они творят и чего добиваются, и лишь это знание помогает ему идти дальше. Это осознание: если он справится, даже подумает о возможности провала, всё пройдёт по самому жуткому сценарию. Буквально десяток лет назад Император предал священному огню Гиперион, непокорную колонию, возомнившую себя наследницей колониальной демократии. Жизнь древней колонии быстро оборвалась, едва к ней по-

доспел Императорский флот.

Павел дрогнул всем естеством, на мгновение почувствовав на себе холодный взгляд кровожадных императорских глаз.

– Вы мне противны, Кирхе, – после недолгой паузы ответил эмиссар, – Лучше проследите за работой связистов.

Он не заметил, как капитан отдал честь в той же шутливой манере и скрылся за стальными дверями, крайне недовольно что-то ворча.

Снижающийся корабль походил на величавого орла, что расправил свои крепкие крылья. Он нырнул в атмосферу планеты, с оглушительным рёвом опускаясь к исполинской башне, уходящей далеко за облака.

Там делегацию встречало кроткое зарево. Два красных светила едва ли несколько часов назад стали возвышаться над багровым горизонтом, что медленно красился в голубые и красные тона, точно некий озадаченный художник небрежно разлил краски на бумаге. Посол невольно зажмурился, когда его глаз коснулись лучи приветливых солнц, многим более приятных, чем тусклые и кровожадные лучи Терры.

Перед челноком расстилались бескрайние просторы. Далеко за краснеющей башней виднелись зелёные поля, расчёрченные аккуратными дамбами и реками. Чуть ближе к башне возникали первые высокие белые здания, что, подобно башням Терры, уходили за горизонт, и множество трущоб, где ютились бедные колонисты.

Космидис никогда не видел столь развитой колонии без щедрой помощи Императора. По крайней мере, добытая информация точно трубила о том, что Карфаген широко урбанизирован, хотя не лишён классовых конфликтов – Павел видел несколько фото, на которых рабочие, всего лишь пытавшиеся добиться поблажек со стороны деспотичных буржуа, были расстреляны подоспевшими силами карфагенян.

Челнок аккуратно опустился на округлую платформу. Вместе с опускающимся трапом вырвался густой дым, быстро окутавший внушительный коридор, уходивший прямоком к огромным сводам башни. Вскоре из хватки дыма выбрался господин посол, закутанный в просторную алую тунику. К собственному удивлению Павел смог разглядеть в дымке лишь один человеческий силуэт. Обычно на встречу с императорским посланцем выходила вся колония, давался целый праздник в честь скрепления договора между колонией и Императором, длань которого ласково окутывала всё новые и новые миры.

Из дымки вышел высокий и статный человек в белом военном мундире. На первый взгляд он был не особо приветлив, весьма угрюм и мрачен. Несмотря на поклон посла, он приблизился почти вплотную и протянул руку. Павел, обращая недоумённый взгляд на молчаливого человека, неуверенно пожал её.

– Мы давно не видели людей откуда-то извне, – слабо улыбнулся колонист, – Я Лука Нотар, секретарь Правящего

Совета.

Слова Луки ввели эмиссара в самый настоящий диссонанс. Правящий Совет? Неужели где-то в галактике ютилась сгнившая человеческая демократия? «Удивительно, – невольно отметил Павел, – Терры коснулась рука Императора, демократия не была способна выполнить его планы... Здесь же она теплится!»

– Правящего Совета? – переспросил Павел, стараясь прояснить горло.

– Правящего Совета, – подтвердил Лука, – Правящего Совета Нового Карфагена. Ранее у нас была колониальная администрация, что не была способна справиться с растущими потребностями колонии.... И генерал Алексей Комменген захватил власть двести лет назад, объявив себя императором человечества. Но поглядите сами: оно пришло на пользу. И лишь после смерти императора нам удалось дать начало чему-то новому.

Всё больше вопросов шли в седую голову Павла, но вовсе не ответов.

– Новый Карфаген... – покатал он название на языке, – Я припоминаю подобный проект, но, помнится, стартовал он ещё в двадцать восьмом веке. Но я нигде не видел отметки...

– Именно так, – кивнул советник, направляясь к коридору, – Проект назвался различно. Илион, Карфаген, Византий... Он сменил великое множество названий, но остановились на Карфагене – вероятно, Георгий Аргир закладывал

в этом какой-то свой смысл.

– Но как колонисты выжили? – озадаченно спросил Павел, поспевая за Лукой, – Все новости трубили о гибели корабля!

– Курс был настроен не совсем верно, поскольку никто тогда не знал о каких-то активностях на нашем будущем доме, – Лука почесал подбородок, – Из-за чего корабль наших предков угодил в пояс астероидов уже погибшей планеты. К счастью для них, ИИ настроил путь к новой пригодной для заселения земле. Мы окрепли, заселили новый дом, окружили его доками и станциями для собственной защиты... Но никто не пришёл. Шли годы, века, а от центрального правительства не было никакой весточки. Мы ни разу за всё существование Карфагена не получали никаких сигналов с Земли... Или как Вы там выразились?

– Magna Terra⁶, жемчужина императорского венца, – деловито поправил посол, – Император Андроник властвует ею и тысячей миров.

– Тысячей миров, – хмыкнул Нотар, – Я полагаю, империя имеет невиданные размеры... Отрадно слышать, что жизнь ещё где-то есть.

Они устремились дальше, к белой башне. Воспоминания о посещении императорского дворца были ещё очень ярки: это прекрасное творение людских архитекторов пестрил мрамором, чёрным деревом, золотом и серебром, бесконечными рядами драгоценных камней... Здесь же Павла

⁶ (лат.) *Magna Terra* – Великая Терра.

встречал строгий, выдержанный стиль, но удивительно милый взгляду. В нём не было никаких лишних деталей, не было золота, что пылал янтарём при лучах холодного солнца и резал глаза своей лучистостью, не было исполинских изваяний... Гремели недалеко отсюда скромные фонтаны, смеялись дамы в простых нарядах, что даже и рядом не стояли с вычурностью и богатством терранских леди – воистину, напыщенных и злонравных, не знающих равных в своём стремлении к золоту. Павел невольно вырисовал картину: помешанные на худобе, угромождившие на своё хрупкое тело тугие корсеты, да носящие безмерно богатые наряды – шелка, атлас и бархат сплетаются в этих дьявольских платьях, будучи сшитые золотом, серебром, усыпанные блестящими драгоценными камнями, цены которым, возможно, и нет. Не так далеко эти же терранские леди и прочие участники посольства брели за Павлом и Лукой.

– Жизнь есть не только в Империи, – улыбнувшись, произнёс он, – Бескрайняя вселенная населена миллионами рас, подобных нам. Миллионы историй развивается буквально на твоих руках, ведь многие народы до сих пор не вышли из времён, аналогичного нашему каменному веку... Великое, непостижимое многообразие.

– Вы хотите сказать, что есть кто-то кроме человека?

Наивный вопрос Луки несколько озадачил Павла.

– Да, – неуверенно протянул посол, растерявшись, – Да, всегда был.

Они быстро прошли треугольную арку, украшенную старым плющом, и внушительный затемнённый зал, где возвышались мраморные статуи на античный манер. Казалось, оживала могучая Афина, что крепко держала в руках копьё и щит, действительно гневался Арес, и лишь быстроногий Аполлон устремлял взгляд куда-то ввысь. Мимо гостя и Нотара проносились многочисленные бюрократы и архитекторы, что едва не роняли планшеты и свои красные шапочки.

Вскоре перед Космидисом предстало заполненное и шумное помещение. Многочисленные чиновники переглядывались между собой, о чём-то неуверенно роптали, но даже при появлении посла не появилось человека, что остановил бы шум. Павел был готов предположить, что с этой толпой ему предстояло говорить. Лука же странно и непринуждённо улыбался, выискивая кого-то взглядом.

Из чиновничьих масс вышел человек, одетый в относительно строгие и простые одежды – его мундир не блестел золотом, как мантии имперских преторов, а плащ не был соткан из какой-либо дорогой ткани. Его шаг был размеренным, он хорошо держал осанку, хотя опирался на трость.

Он был смуглым и черноволосым, точно потомком греческих колонистов, подобно самому Павлу.

– А вот и посол Космидис, – улыбнулся мужчина, – Я Константин Македониди, президент Нового Карфагена. Для нас и меня лично честь принимать посла с Земли.

– Ваше Превосходительство, – посол отвесил низкий по-

клон, – Мой Император – государь и самодержец тысячи звёзд и всего людского рода...

– Ну, раз Карфаген не при нём... Не всего, значит, – задорно хмыкнул Константин, – Идите с нами, посол, нам нужно многое обсудить в более конфиденциальной обстановке... Всё уже готово для аудиенции.

Павел и карфагенянин прошли к лифту, что быстро понёсся наверх, к самым высоким этажам башни. Вскоре перед ними предстал внушительный зал, в центре которого возвышался массивный чёрный стол. Было всего одиннадцать мест, и девять из них были заняты советниками. Лучи приветливых солнц прорывались сквозь высокие портьеры, игрались на тонких ручках мраморных дев и очках некоторых присутствующих в зале.

Константин прошёл через всё помещение, кивком приветствуя всех, и утонул в своём кресле.

– Присядьте, господин посол, аудиенция будет проходить в присутствии Правящего Совета, – твёрдо настоял он, указав рукой на кресло напротив, – Итак... Новый Карфаген был в полной изоляции тысячу лет. Мы не получали никаких посланий от Земли, не видели ни единой живой души вне наших систем. Мы уже начали предполагать, что мы...

Он выдержал недолгую паузу, постучав пальцами по столу.

– Последние, господин посол. Что Земли больше нет, проект человеческого Рассеяния провалился.

– Однако, Рассеяние удалось. Проект был даже перевыполнен за последнее тысячелетие... Но можно полюбопытствовать, Ваше Превосходительство? Для чего тогда вам военный флот? – фыркнул посол, – Если вы не выходили ни с кем на связь?

Президент хмыкнул, обращая взгляд на пухлого советника, господина де Риверо. Он кивнул, что-то набирая на панели. Голографический проектор заскрипел и вывел изображение флота, что собирался у орбиты планеты.

– В связи с тем, что Земля погибла, мы думали о проведении своего Рассеяния, но далеко не бесконтрольного, – объявил советник, – Как показал печальный опыт... Без защиты колонисты быстро потеряются, колония умрёт. Флот строится только для защиты колониальных кораблей от аномалий и контроля администрации.

– Господин посол, прежде чем мы продолжим нашу беседу... Нам важно узнать, что же случилось с Землёй. Расскажите нам, – Константин подперел щеку рукой, – Хотя бы кратко. Я бы хотел иметь представление о том, что сейчас с нашей родиной.

– Конечно, – согласился Павел, – Тысячелетняя изоляция – редкое явление... Особенно в нашей истории. Однако, пока ваш вольный мир расцветал без нас, Терра... Терра собирала потерянные колонии в надежде на создание человеческого «пузыря». Именно так был сформирован Совет Звёзд, где Терра и колонии были равноправными членами.

Развитие шло своим чередом, мы давно избавились от угрозы энергетического кризиса, наши земли полнятся зерном и водой... Больше никто не верил в то, что человечеству может настать конец. Демократия была на пике своего расцвета: казалось, вольности человека не было предела...

– Это ж выходит, теперь наши доки смогут принимать торговые судна со всех концов человеческой ойкумены, не так ли? – спросил, чуть приподнявшись, тонкий господин Ивановский.

– Именно так, – кивнул Павел, недовольно скривившись.

– Это же отрадно! Представьте себе перспективы нашего сотрудничества! – радостно объявил господин Ульве дрожащим голосом, – Карфаген... Карфаген может быть отправной точкой для товаров с одного конца галактики к другому! И для Земли выгода, и для нас!

– Рукав Лебедея заселён не людьми, господа. И дальние рубежи галактики тоже не принадлежат нам...

Зал замер. Воцарилась напряжённая тишина, разрываемая лишь ропотом недоумевающих советников.

– Есть многочисленные народы чужих, господа, – пояснил посол, – Не со всеми у нас тёплые отношения. И не все хотят их налаживать.

– Вы, наверное, шутите, – нервно усмехнулся господин де Риверо.

– По-вашему я похож на шутника? – Космидис нахмурился.

– Продолжайте, – громогласно приказал Константин, хмуро обводя взглядом зал.

Павел несколько оторопел. Он громко откашлялся, пропустив горло.

– Однако, вечно это продолжаться не могло. Наша цивилизация достигла пика своего развития, достигла... Точки невозврата. Мы нашли их, – эмиссар выдержал недолгую паузу, – Чужих. Это феноменальное событие, скажу я вам, стало шоком для всего общества! Мы, уверенные в собственном одиночестве, встретились с теми, кто так же, как и мы, способен держать в руках косу и молот! Казалось, наша цивилизация вот-вот рухнет из-за воцарившегося хаоса, но... Пришёл наш славный Император, что крепко взял бразды, сплотил нас и дал будущее... Мы отошли от шока. Мы вернулись к былому.

– Вы хотите сказать, что демократия не выдержала? – президент Македониди прищурился.

– Да, – уверенно подтвердил посол, – Демократия Терры рухнула, едва почувствовав приближение кризиса.

Воцарился громкий ропот негодования. Президент смотрел на посла исподлобья, некоторое время осмысливая сказанное. Через пару мгновений он дрогнул, подобно титану тяжело поднялся с кресла и встал у просторного окна, обводя взором башни Карфагена, пестрящие в утренней зари.

– И что же вы хотите нам предложить, господин посол? – спросил Константин достаточно громко.

В зале воцарилась тишина.

– Карфаген должен войти в состав Империи, – протянул посол, – Ради сохранения народа от посягательств со стороны чужих.

– И какие доводы Вы можете привести в пользу этого? – хрипло спросил Македониди.

– Что?

– Почему Карфаген должен склониться перед вашим императором, посол? – нервно спросил Константин, – Тысячу лет мы ничего не получали от Земли. Никто нас не искал, никто не пытался нам помочь, а теперь мы должны преклонить колени перед императором из какой-то неведомой дали, что явился объявлять свои требования? Почему я должен согласиться на это?

– Мой Император желает объединить человечество перед лицом общей угрозы, – констатировал посол, – Империя – светоч нашей цивилизации во всём враждебном окружении. Чужаки! Чужаки повсюду, откройте глаза! Многие точат зуб на человеческий род: мы гибки, сильны, хорошо приспосабливаемся. Многие хотят использовать нас в качестве дешёвой рабочей силы, согнать на фабрики и рудники. Вы этого хотите для Карфагена?! Разорения? Смерти народу?

– Почему чужаки, по-вашему, особенно опасны для Карфагена? – выкрикнул господин Ульве, – С чего Вы взяли, что они не готовы сотрудничать?

– Других вариантов нет, – Павел поднялся с кресла, –

Либо Карфаген станет частью человеческой империи, либо его народ будет в рабском положении в любой инопланетной державе...

– Это угроза, господин посол? – фыркнул господин де Риверо, – Я полагаю, на этом стоит закончить наш разговор.

– Нет... Да как же вы не понимаете?! Враг у ворот! – задыхался эмиссар от волнения, – Он трубит в рог, созывает свои бесчисленные полчища, уже готовится нанести удар! Если Вы подпишите договор – Карфаген будет спасён, он будет под протекцией Императора!

– ДОВОЛЬНО! – приказал господин Ивановский, – Я так полагаю, Вы рассказываете нам страшилки о чужих, чтобы запугать... А ваши угрозы? Неужели я слышу скрытое, ядовитое объявление войны? Вы лишь хотите использовать наш мир в военных целях!

Павел съёжился, вжался в кресло, беспомощно обводя беглым взглядом советников.

– Послушайте меня...

– В карцер его! – требовал господин Ульве, – В карцер, в карцер! Покажите, что мы делаем с врагами Республики!

– Стража, – похолодел Константин, басом заглушая ропот, – Покажите господину Космидису наш карцер.

Несмотря на резкую агрессию карфагенян, послы схватились за подручные средства. Павел ужаснулся ещё больше, отчаянно размахивая руками: он надеялся, молился, что всё обойдётся без происшествий.

Но он наивно полагал, что Карфагену нужен мир. Едва его соратники успели что-то сделать, едва их оглушили тяжёлыми и размашистыми ударами винтовкой и прикладами... Он остался один, окружённый хищно ухмыляющимися солдатами.

– Вы совершаете ошибку! – воскликнул Павел, едва его рук коснулись пальцы стражников, – Уверяю вас, вы пожалеете!

III. Homo homini lupus est

«Терра. Возможно, одна из самых прекрасных планет во всём Млечном Пути – вечно бурная, вечно горящая, но не будьте падки на её внешний вид. Ныне правящий на ней император Андроник держит обездоленное человечество в ежовых рукавицах! Его диктатура распространилась на тысячи миров и пресекает любое инакомыслие, ибо он задал курс всей Империи, так называемое «Великое триединство»: труд до изнеможения, исключительная верность бесчеловечному режиму и ксенофобия даже по отношению к союзникам. Вот оно, истинное лицо прогнившей в вечном празднике Терры»

– Нархаяш Ульфиндорг, «Путеводитель по нашей галактике», XX год Империи.

Круговорот тьмы беспамятства и ослепляющего тюремного света обрывался для Павла после ударов надсмотрщиков. Он уже сбился со счёта, даже не мог понять какой день сейчас идёт и который час дня.

С ним обращались как с сутулой старой псиной. Солдаты не имели ни капли сожаления, напротив, били его с особой, жгучей, но непонятной ему ненавистью. Было ли это приказом самого Константина – вероятно, сам эмиссар об этом уже не узнает.

Каждый час он слышал стоны и крики окружавших его послов. Он понимал, что те, вероятно, не выживут. Не выживет и он.

Лишь когда он оставался наедине, что бывало очень редко, он невольно плакал. Вовсе не над карой или своей жестокой судьбой, нет. Он лил горькие слёзы по Карфагену, чьи лидеры сковали сами себе погибель: точно воочию Космидис видел чёрные громады Имперского флота, что закрывали собой солнце, открывали массивированный огонь по белым башням, сжигали дотла леса, испаряли моря. Перед заплаканными глазами посла замирала горячая, безжизненная, покрытая застывшим стеклом планета, и лишь ветер разгонял золу и пыль былого... Всё рассеивалось в тени и огромных, кровавых глазах Императора, что подобно внимательному и хитрому хищнику бдил, готовясь устремить свои острые когти к беззащитному миру. Стоил ли того скептицизм Совета?

Но всякий раз Павел дрожал, понимая, что, вероятно, Кирхе вывел корабль из оцепления – с боем ли, или без, это уже не так важно. У дипломатического корпуса конкретные рамки: после суток молчания с обеих сторон, отсутствие даже намёка на благополучные переговоры, капитан имеет право даже бросить послов на съедение на аборигенов, но обязан доложить Имперскому флоту об опасности. И Космидис боялся, что эта неоправданная, жестокая глупость карфагенян, не станет их последней роковой ошибкой – Кирхе знает протоколы, и Кирхе обязательно воспользуется ими, зная,

что это даст возможность «повеселиться».

Но этот час был удивителен всей своей сутью. Посла окатили холодной водой. Он машинально смялся в клубок и забился в углу, дрожа всей своей сутью и готовясь принять очередные ругательства и пинки. Но ни того, ни другого не последовало.

– Приготовьте господина эмиссара к аудиенции с президентом, – раздался знакомый, скрипучий голос, – Незамедлительно. Это не требует отлагательств.

Павел вновь шёл по внушительным коридорам башни. Стражники заставили его надеть белый хитон и даже не предоставили никакой обуви. Дрожащие босые ноги, изрезанные в недавних ранах и ещё кровоточащие, ступали по холодному стальному полу и оставляли кровавые отпечатки. Приятный алый свет двух солнц уже не казался столь приятным и притягивающим, он был таким же кровавым, подобно любому рассвету и закату новой Терры.

Вскоре перед его глазами предстал злосчастный затемнённый кабинет. Солдаты грубо подтолкнули Павла, и он рухнул на пол, громко кашляя, чуть ли не разрывая глотку. На ковёр полилась кровь. Но вновь их крепкая хватка болезненно коснулась его ноющих плеч, заставляя съёжиться и стиснуть зубы... Он даже не заметил, как оказался в мягком кресле. Вновь напротив Константина.

Президент Карфагена хмуро смотрел на своего пленника, нервно стуча пальцами по столу. Он выглядел уставшим и

разбитым.

– Итак, – Константин прочистил горло, – Павел Иоанн Космидис, 3969 года рождения, территории бывших Афин, средиземноморский сегмент Терры, так?

В ответ тому было лишь молчание. Павел смотрел на Константина исподлобья. Он мог лишь со странным злорадством отметить: что ж, вот теперь это и есть аудиенция.

– Мы взломали базы данных вашего коммуникатора, — пояснил президент, – Отвечайте на вопрос.

– Всё так, – нехотя уронил Павел, – Но можно полюбопытствовать, прежде чем мы продолжим?

Карфагенянин кивнул.

– Что стало с делегацией? Капитан Кирхе? – Павел подался вперёд, с украдкой смотря на Македониди.

– К счастью для Вас, господин посол, этот безумец... Капитан Кирхе, то есть... Смог бежать с планеты, и вероятно, уже докладывает начальству о происшествии, – протянул президент, – Я же хотел удостовериться в правдивости слов, которые Вы говорили. Эта встреча – моя инициатива, совет о ней не знает... Поэтому я ничего не могу пока предпринять.

Павел дрогнул где-то внутри. Его страх оправдался: Кирхе бежал, он доложил. Очень скоро они будут здесь.

– Вы же понимаете, что это акт агрессии? – Космидис прикусил разбитые губы, – Вы уже объявили Терре войну.

– Да, – печально вздохнул Македониди, – Но у нас нет иных вариантов. Мы отстаим свою независимость, либо по-

гибнем.

– Вы все спятили, – хрипло усмехнулся посол, закидывая ногу на ногу, – Разве независимость стоит таких жертв? Император уничтожит здесь всё, не оставит камня на камне, и всё по вашей вине.

– Мы сами выбираем нашу судьбу, не ваш Император, – отрезал его Македониди.

Павел подперел щеку рукой, вздыхая. До чего же доводит эта вольность? Вольность! Вот вся беда человечества – вольность и амбиции пеленой накрывают его глаза, лишают страха и рассудка. Карфагенская вольность кажется абсурдом: им угрожают пришлые, кровожадные, бесчеловечные враги, готовые высосать мозги и пожрать внутренности, им предлагает протекцию их «старший брат», всемогущий Император Терры... Но эта вольность побуждает их не видеть первых, не желать воссоединяться со вторыми, точно создавая призрачный, невозможный третий вариант!

Космидис на своей шкуре почувствовал эту карфагенскую вольность. Эти варвары ради своей мнимой свободы готовы даже мучить посла, нарушать негласный человеческий закон. Но сейчас у него нет других вариантов, кроме как говорить. Жгучее негодование ещё грело сердце и заставляло видеть эту вольную гавань как рассадник гибели, побуждало видеть в президенте Македониди самозванца, жалкого, ничтожного и скупого государя, неспособного и доли секунды быть Человеком. Но Павел знал, что будет с миром, если

не достигнет компромисса. Он содрогался, содрогался всей своей сутью, когда представлял горящие белые башни Карфагена.

Только сейчас у него появился шанс изменить всё.

– Что конкретно Вас интересует? – фыркнул Павел.

– История. Например, кто этот ваш император Андроник. Чем знаменит, что было до него.... Начинайте с чего угодно, как Вам будет удобно.

Космидис задумался, метнув взгляд куда-то в сторону. Он и не знал, что сказать, как правильно донести до этого самозванца всю глубину Императора, раскрыть слипшиеся в неправде глаза многих советников и чиновников, что наверняка уже используют образ непобедимой империи зла в своей ничтожной, лживой пропаганде...

– До Императора существовал Совет Звёзд, – нерешительно начал он, пускай и буквы застревали в горле, – Могучая сила, объединившая колонии под формальной властью Терры.... Терра всегда хотела лидерства, но всякий раз колонии отодвигали мать на задний план, не желали сплотиться... То был золотой век человечества: Рассеяние продолжилось, планы людей выходили уже далеко за устойчивый «пузырь». Открывались заново потерянные колонии, создавались крепкие союзы. Казалось, что ничто не способно изменить нашу утопию, больше не к чему было стремиться, кроме поглощения и удовольствия.... Но тогда мы впервые встретились с мурбасами и карахаши...

– Это какие-то чужие, о которых Вы говорили?

– Да, – подтвердил Павел, – Мой отец тогда воевал на Эди-пусе. И тогда в Совете Звёзд назревали перемены... Терра возжелала соединить всё обратно. Шок первого контакта породил небывалый импульс недоверия ко всему, скептицизму, конспирологии... Люди не чувствовали себя в безопасности.

– Я как понимаю, это привело к гражданской войне?

– Да, – с горечью кивнул Космидис, – Гражданская война разорила колонии и превратила колониальную демократию в империю...

– И что Вы можете рассказать об императоре?

– Этот воистину великий человек воздвиг монумент себе сам, – отчеканил эмиссар, точно цитируя, – Вселенная взывала к нему, направляла его, одаривала и держала у своей груди...

– Я не понимаю, – фыркнул Константин.

– Императора можно ненавидеть, можно любить, можно преклоняться перед ним, – Павел выдержал недолгую паузу, – Но одного отрицать нельзя – он величайший человек нашего времени. Подобные люди рождаются раз в тысячелетия... Народ, желавший безопасности, спокойствия, защиты... Получил в дар от вселенной Императора. Я сам не сторонник эти слепых фанатиков, возомнивших, что Император – самый настоящий бог, но... Недалеки они от истины, очень недалеки.

– Вы слишком переоцениваете его роль, полагаю, – протянул Константин.

– Возможно, – нехотя согласился посол, – Но этот человек, который был никем, стал для человечества всем. Никто не знает откуда он родом... Одни говорят, что он с Терры, другие – с Ласандрии, третьи – с Луны, но так ли это важно? Этот вопрос будет интересовать историков, не народ. Император победил раскольников, сплотил народ, создав империю, а после укрепил её, создав мощный флот и армию. Рим не день строился, но Андроник возвёл и продолжает возводить порядок, который способен пережить своего создателя. Этот порядок...

– Деспотичен, – перебил его Константин, – Власть одного человека всегда пагубна. Даже самый альтруистичный, светлый человек будет искажён безграничной властью. Многие истории – назидательный пример.

– Император может быть тираном, безмерно деспотичным властителем, – согласился Павел, – Но разве у человечества есть выбор? Демократия, вольность, их альтернативность... Они показали свою несостоятельность в новых условиях. Колонии отказывались подчиняться центру, люди боролись за права, забывая о реальных проблемах, способных уничтожить наш род.

Константин поднялся с кресла, отойдя к окну. Он раздвинул высокие портьеры, позволив кровавым лучам прорваться в кабинет. Павел недовольно зажмурился.

– Чужие. Чужие видят в людской империи только источник богатства и живых мёртвых. Им чужда наша культура, наша суть. Император сделал то, что должен был: он сплотил народ, подчинил колонии, создал тираническую империю, но всё это только для спасения человечества.

– Спасения человечества... – протянул Константин, усмехаясь, – Он явился сюда, объявляя о том, что мы либо встанем за его спиной, либо все погибнем! Не похоже, что он стремится сохранить наш род.

– Других вариантов нет, – упаднически уронил Космидис, – Мы либо станем одним целым, либо все умрём. Неужели вы этого не понимаете? Попадание ваших сигналов в руки чужих, их вторжение... Это всё лишь вопрос времени. Протекция Императора сохранит Карфаген.

– И лишит нас свободы. Свободы, дарованной с рождения.

– Потеря свободы – меньшее зло.

В кабинете осела напряжённая тишина. Президент Македониди вздохнул, утыкаясь лбом в окно.

– Я не могу на это пойти. Я не хочу, чтобы мои дети росли при тирании безумного императора.

– Но они будут жить, – настойчиво сказал посол, – Жить! Под рукой Императора, в его объятиях, ласке...

– Если даже Господь Бог не сбережёт меня от кары со всех сторон, то как ваш самонадеянный Император спасёт? Как его ласка сохранит Карфаген?

– Чем человек, создавший империю и защитивший всё че-

ловечество – не бог? Он несёт в себе божественный огонь, его взор всегда устремлён на тысячелетия вперёд, но скованно всё смертным, неидеальным телом... Человек, вспахавший поле, изменяет вселенную и тем уподобляется всемогущему Господу. Так почему Император не может быть богом? – совершенно серьёзно спросил Павел хмурясь, – Бог-человек никогда не заявит о своей божественности, но это только подтверждение оному: Император царствует, защищает и возводит, но только во имя народа. Он подобен строгому, но любящему отцу; Он карает кровожадно и жестоко, но это в природе человека; Он любит, горячо любит человечество, вверенное ему вселенной... И я поставлю свой вопрос иначе: почему Император не способен защитить Карфаген?

В зале воцарилась тишина. Македониди смотрел на Павла с той же ненавистью, подобно тем солдатам, будто сам посол – не посол вовсе, а тот же оккупант, что вот-вот заявится на эту планету.

– Спасибо, господин Космидис, – холодно отозвался президент, – Это всё, что мне нужно было знать. Мне очень жаль.

Павел не успел опомниться. Последовал быстрый жгучий удар чего-то тяжелого, после чего в глазах Павла вновь всё потемнело.

Голова раскалывалась. В ушах звенело. Всё тело ныло, было готово разорваться. Павел не смог сдержать стон в груди,

когда те же грубые руки крепко хватали его за плечи и тащили куда-то. В глазах темно, но эмиссар понимал, что, вероятно, это уже последние минуты, если не секунды, когда он может дышать полной грудью. Но даже дышать мешал противный стальной привкус крови.

В глазах было мутно, Павел видел лишь многочисленные пятна, что сливались и расходились. Но слух его не подводил: он на очень людном месте.

– Дорогие сограждане, карфагеняне! – обратился к народу господин Ульве, широко разведя руки в стороны, – Мы не одни во вселенной! Не одни, воистину, ибо за моей спиной стоит человек с далёкой Земли, колыбели нашей цивилизации! Но случилось воистину ужасное с этим народом... наших братьев и сестёр охватила чума! Чума, поглотившая из головы, вырвавшие их сердца, высосавшая душу и суть! Андроник, самозванный император людей, возвёл невиданные дворцы себе, на фресках и статуях которых прославлял себя и своё ничтожное имя... Люди, лишившиеся крова, пищи и разума по его вине, возомнили, что человек, сидящий на шатающемся троне, и есть сам Господь Бог! Невиданное богохульство и самонадеянность! Однако... Теперь мы знаем, что стало с Землёй и человечеством без нас... Император Андроник разинул пасть с ядовитыми клыками, готовясь нанести свой удар, но будет сокрушён! Мы разорвём его кривую чёрную пасть, вырвем клыки, выколем залитые людской кровью глаза, дадим человечеству новый мир, который оно

заслуживает! Крестовый поход, братья и сёстры, вот чего желает Господь Бог! Он желает даровать свободу и мир!

Под оглушительные овации народа имперского эмиссара провели к заставленному массами хвороста возвышению и привязали к массивному бревну.

Вспыхнул факел в руках Ульве.

– Раз Андроник – бог, пусть он примет божью пищу! – карфагенянин приблизился к эшафоту и кинул факел в самое сердце кострища.

По сухому дереву спешно пробежались искры, следом за ними – яркие лианы, что медленно пожирали всё остальное. Ослепительное пламя вырывалось из костра, точно неслось на вопли кровожадной толпы, чуть затухало и снова вспыхивало с новой силой и яростью. К чёрной башне поднялся густой дым, скрывший за своей пеленой серебристую луну и вторившие ей звёзды...

Павел не издал ни единого звука.

И лишь Лука наблюдал за этим торжеством варварства без особого одобрения, с печалью он кидал взгляд на ночной небосвод, от которого не столь далека устрашающая армада всемогущего императора. Печально, осознавая своё бессилие, вздыхал возле него президент:

– Вот так кроваво кончается Год Господень...

Но Терра помнит всё. К вольному Новому Карфагену неслись, подобно тени, громады могучего Имперского Флота, и лишь один девиз скандировали имперские солдаты: «Карфа-

ген должен быть разрушен!».